

пывается высшая заповѣдь любви, то оно во всякомъ случаѣ ею предполагается. Если же положительнымъ законодательствомъ не достигается цѣль его, то можно критиковать только недостаточность избираемыхъ имъ средствъ, а не самую цѣль.

Между тѣмъ въ нравственной теоріи графа Толстого господствуетъ полное смѣшеніе области права и высшей нравственности, основанной на любви. Возьмемъ примѣръ: Обязанность отдать человѣку рожь, которую взялъ у него займы для посѣва и обязанность дать ему эту рожь, если онъ нуждается въ ней, вещи весьма различныя, и каждый чувствуетъ эту разницу. Обязанность богатыхъ раздать имѣніе свое нищимъ и обязанность платить извѣстную часть своихъ доходовъ на общественныя нужды тоже весьма различны.

Справедливо, что право поглощается заповѣдью любви, но до тѣхъ поръ пока любовь не царитъ безраздѣльно, право по крайней мѣрѣ ограждаетъ человѣка отъ злобы его ближняго. Если же между закономъ любви и закономъ права является противорѣчіе, оно можетъ быть только случайное, кажущееся.

Допустимъ, что кто-нибудь, пользуясь своимъ правомъ, совершаетъ жестокость и такимъ образомъ нарушаетъ законъ любви, ясно, что истинная причина жестокости лежитъ здѣсь не въ правѣ, а въ злой волѣ. Могутъ сказать на это, что, еслибы